

В. П. СТЕПАНЕНКО

**ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ XII В.
КНЯЖЕСТВО ВАСИЛА ГОХА И ВИЗАНТИЯ**

XI в. во многом был переломным в судьбах как Византии, так и Ближнего Востока в целом. Экспансия империи в Закавказье завершилась аннексией ею независимых армянских государств этого региона (1021—1061). Но после поражения при Манцикерте (1071) в обстановке широчайшей сельджукской экспансии раздираемая междоусобной борьбой Византия шаг за шагом утрачивает свои позиции не только на недавно завоеванных территориях, но и во многих издревле принадлежавших ей районах Ближнего Востока. Все это привело к радикальной ломке экономической, этнической и политической структуры византийской системы международных отношений — ойкуменического сообщества. Государства, входившие в сферу влияния Византии, одно за другим признают сюзеренитет победившего султаната Великих Сельджукидов¹. На собственно византийской территории в Малой Азии образуется сельджукский Румский султанат (1081)². К 1086 г. под ударами последнего распадается удел Филарета Варажнуни, в прошлом — византийского полководца, с 1071 г. удерживавшего под своим контролем принадлежавшие ранее Византии территории Киликийского Тавра, Северной Сирии и Месопотамии. К 1097 г. здесь образуется ряд независимых армянских княжеств, в том числе княжества Рубенидов и Ошинидов Киликии, Пир, Каркар и княжество Васила Гоха в Приевфратье. Позже в результате первого крестового похода на данной территории образуются государства крестоносцев — графство Эдесское (1098) и Антиохийское княжество (1099).

Большинство исследователей истории Византии и крестовых походов полагает, что к 1097 г. империя сохранила определенное влияние в утраченных ею восточных регионах, в частности в Мелитене и Эдессе, владельцы которых, в прошлом сподвижники Варажнуни, признавали якобы сюзеренитет византийского василевса³. Единственным основанием для данного вывода явилось наличие византийских санов: севаста — у владельца

Мелитены армянина халкедонита Гавриила и куропалата — у владетеля Эдессы, также армянина халкедонита Тороса⁴, ибо более никаких данных об их контактах с империей нет.

А так как византийскими санами к началу XII в. обладал ряд владетелей Ближнего Востока, включая царей Грузии и армянских князей Киликии и Приевфратья, то закономерен вопрос: насколько наличие византийского сана у того или иного владетеля в данный период отражает наличие сюзеренно-вассальных отношений между ним и Византией? Ранее мы пытались показать, что к данному вопросу следует подходить дифференцированно, рассматривая статус каждого владетеля исходя из характера его взаимоотношений с империей в каждый отдельно взятый период⁵, ибо византийский сан давался пожизненно, а внешнеполитическая ориентация государства постоянно менялась в зависимости от изменения внешнеполитической ситуации на Ближнем Востоке в целом.

В данной статье мы пытаемся решить этот вопрос лишь для одного, но наиболее значительного из армянских княжеств Ближнего Востока — княжества Васи́ла Го́ха, в состав которого входили территории правобережья Евфрата с городами Кесун, Рабан и Бехесни и крепостью Ромкла⁶.

Следует отметить, что на фоне отрывочных, часто противоречивых данных по истории армянских княжеств Ближнего Востока поразительно бедным является материал, касающийся отношений княжества Го́ха с Византией. Обычно он сводится к трем фактам: наличию у Го́ха византийского сана, присутствию на территории его княжества отряда печенегов из византийского гарнизона Мамистры Киликия и, наконец, уходу преемника Го́ха, Васи́ла Тга, в Византию после аннексии его княжества графом Эдессы. В этих условиях для определения политического статуса княжества Го́ха в рамках международных отношений, существовавших на Ближнем Востоке в начале XII в., правомерно привлечение материала, характеризующего как данные отношения в целом, так и внешнеполитическую ориентацию армянских княжеств Ближнего Востока, близких княжеству Го́ха по историческим судьбам, в частности. Отсюда неизбежен и путь реконструкции общей картины внешнеполитической ситуации, сложившейся в данном регионе после первого крестового похода и образования государства крестоносцев, как необходимого условия для установления самого факта остающихся гипотетичными контактов княжества Го́ха с Византией.

К концу XI в. Византии в определенной мере удалось стабилизировать восточную границу и даже перейти в наступление, частично восстановив свои позиции на востоке в 1099—1100 гг.; были возвращены Мараш и Равнинная Киликия⁷. На последнюю претендовало и Антиохийское княжество, возглавляемое старым противником Византии Бозмундом Тарентским. Начи-

ная с 1100 г., равнинная Киликия становится объектом византийско-антиохийской борьбы, во время которой киликийские города неоднократно переходят из рук в руки. Уже в 1104 г., воспользовавшись поражением крестоносцев при Харране, империя начала военные действия с целью захвата Киликии и вскоре овладела ею⁸.

Попытка Боэмунда Тарентского взять реванш на Балканах была безуспешна — он капитулировал при Диррахии и подписал унижительное Девольское соглашение 1108 г., по которому признавал сюзеренитет василевса и отказывался от претензий на города равнинной Киликии⁹. Но договор не был признан регентом Антиохии, племянником Боэмунда Танкредом, который продолжал военные действия против Византии и к концу 1108 г. возвратил часть равнинной Киликии с городами¹⁰. Между тем еще в 1104 г. при Харране попали в плен граф Эдессы Балдуин Буржский и его вассал, владетель Тель Башира Иосцелин де Куртене¹¹. Следствием этого явилось присоединение графства Эдесского к Антиохийскому княжеству при регентстве Танкреда. Наместником Эдессы стал Ричард Салернский. Но в 1108 г. граф Эдессы был выкуплен из плена освободившимся ранее владетелем Тель Башира. Танкред соглашался возвратить Балдуину Эдессу лишь при условии, что последний признает себя вассалом регента Антиохии, и получил отказ. После этого граф Эдессы и Иосцелин «отправились к Василу, который встретил их почетнейшим образом и осыпал дарами. Балдуин отправился, собрал корпус кавалерии в Рабанае, городе, который принадлежал Василу, в намерении начать войну с благочестивым Танкредом». Затем он послал за помощью к атабеку Мосула Джавали. «Васил послал этим франкским вождям отряд из восьмисот человек и корпус печенегов, которые были на жаловании у императора ромеев и были размещены в городе Мекис»¹². Данное сообщение, единственное в своем роде, проливает свет на взаимоотношения княжества Гоха с Византией и государствами крестоносцев.

То, что печенеги из гарнизона Мамистры оказались во владениях Гоха, вполне объяснимо, исходя из внешнеполитической ориентации последнего. Известно, что после 1098—1099 гг. княжество Гоха оказалось в сложном положении, будучи окруженным с запада и юга владениями Антиохийского княжества и графства Эдесского. Более мелкие армянские княжества Приевфратья, например, Каркар, признали сюзеренитет графа Эдессы¹³. Вынужденный лавировать между опасными соседями (насколько они опасны, показала Гоху расправа графа Эдессы с братом князя Баграмом, тогда владетелем Равендана¹⁴), Гох по меньшей мере до 1104 г., в период экспансии графства Эдесского в направлении Мараша и Приевфратья¹⁵, стремился обеспечить себе поддержку Антиохийского княжества. По-видимому, именно этим объясняется тот факт, что в 1103 г. Васил

выкупил из плена у Данышмендов Севастии князя Антиохии Боэмунда Тарентского¹⁶. «Боэмунд приехал в Антиохию после того, как стал через освящение клятв торжественным приемным сыном Василя Гоха»¹⁷. Усыновление, несомненно, явилось формой союза двух государств, заключением которого Гох рассчитывал обеспечить дружественный нейтралитет, если не поддержку Антиохии в случае ухудшения отношений с Эдессой. Весьма возможно, что в данный период Васил не поддерживал отношений с Византией, ибо выкуп им князя Антиохии во многом разрушил планы империи, рассчитывавшей обезвредить соперника в борьбе за Киликию¹⁸.

Однако после 1104 г. положение резко меняется: происходит объединение Антиохии и Эдессы под властью Танкреда Антиохийского. Используя ресурсы обоих государств, регент Антиохии возобновляет военные действия против Византии и добивается успеха, отвоевывая утраченные ранее киликийские города. По-видимому, среди последних была и Мамистра — Мопсуэстия — Мекис. По крайней мере, Анна Комнина сообщает о ее осаде Танкредом в конце 1107 — начале 1108 г., но ничего не говорит о результатах¹⁹. Специально занимавшийся историей города Э. Хонигман полагал, что Мамистра была захвачена Танкредом²⁰. Следовательно, печенеги из византийского гарнизона города вряд ли могли оказаться у Гоха ранее начала 1104 г., когда происходит объединение Антиохии и Эдессы, ибо в предшествующий период в своей внешней политике князь ориентировался на союз с Антиохией — противницей империи. Но время появления печенегов во владениях Гоха можно ограничить и началом 1108 г., когда Мамистра перешла под власть регента Антиохии и византийский гарнизон здесь, естественно, исчез. Установление связей Гоха с Византией именно в этот период возможно и по ряду иных причин.

Объединение Антиохии и Эдессы в единое государство предельно сузило возможности маневрирования для княжества Гоха, как и для армянских приевфратских княжеств в целом. Они оказываются лицом к лицу с резко усилившимся потенциальным противником. По-видимому, по этой причине Васил порывает с Антиохией и поддерживает освободившегося из плена графа Эдессы. В то же время после 1104 г. в качестве противовеса все возрастающей мощи Антиохийского княжества в условиях временной ликвидации независимости графства Эдесского Гох неминуемо должен был искать поддержку извне. Оказать же ее могла лишь Византия, обе стороны были равно заинтересованы в ослаблении Антиохийского княжества. Утратив равнинную Киликию и принудив капитулировать на Балканах Боэмунда Тарентского, империя стремилась провести в жизнь Девольское соглашение, реализация которого означала бы фактическую ликвидацию независимого Антиохийского княжества, так как по условиям соглашения Боэмунду была оставлена лишь

Эдесса. В случае неудачи империя рассчитывала возвратить хотя бы часть утраченных ею территорий.

Отсюда стремление Византии найти союзников в борьбе против Антиохии. Ими стали Гох и Балдуин Буржский. Первый, лавируя между Антиохией и Эдессой, пытался заручиться поддержкой империи, стремившейся восстановить свое влияние на утраченных территориях Сирии и Месопотамии, второй боролся за возвращение своих владений. Наконец, в пользу союза Гоха с Византией, оформленного между 1104—1108 гг., свидетельствует византийский сан князя (продолжатель Урхайеци называет его севастом)²¹. Отметим, что до 1108 г. стал севастом и владетель горной Киликии князь Торос Рубенид, упомянутый в этом сани в Девольском договоре²². Косвенным доказательством наличия контактов княжества Гоха с Византией является и судьба его преемника Василя Тга. В 1117 г. при активном участии Тороса I Рубенида Василь Тга был выдан графу Эдессы Балдуину Буржскому и под пытками был вынужден согласиться на передачу ему княжества при условии свободного ухода армянского населения в Киликию. Маттэос Урхайеци сообщает, что Тга во главе армии отправился в Константинополь, «где был встречен весьма почетно императором, как и войска, которые его сопровождали»²³. Возможно, именно его потомки, известные позднее как Кокковасилии, действовали в качестве имперских полководцев в Византии и Венгрии.

Таким образом, можно констатировать, что контакты княжества Гоха с империей могли иметь место лишь в 1104—1108 гг.²⁴

Каков же был статус княжества Гоха в данный период? С точки зрения Византии, он был определен. Как известно, в своих отношениях с соседними государствами империя руководствовалась теорией, согласно которой правители данных государств входили в своеобразную «семью правителей» во главе с василевсом ромеев в качестве его «духовных сыновей», «братьев» и «друзей». Термины родства имели титулярное значение и определяли место данного правителя и, соответственно, возглавляемого им народа в ойкуменическом сообществе «упорядоченной иерархии государств-саттелитов, вовлеченных в послушную гармонию вокруг престола всеобщего автократора в Константинополе»²⁵. Кроме того, правители государств, входивших в состав византийской ойкумены, получали византийские саны, взятые из иерархии константинопольского двора. «Цель подобных пожалований была тройственной: льстить самолюбию этих саттелитов, привязать их к империи отношениями зависимости и означать особый ранг, занимаемый правителем и его народом внутри ойкумены»²⁶. Однако универсализм ойкумены был относителен.

Действительный характер взаимоотношений данного государства с империей определялся не воззрениями Византии на

статус данного государства и его владельца, но реальным соотношением сил, складывавшимся между ними в каждый отдельно взятый период, способностью Византии подкрепить свои претензии на сюзеренитет над данным государством реальной военной силой. Следует учитывать, что, «поскольку равенство в отношениях с империей с византийской точки зрения включалось, носитель византийского сана уже поэтому по крайней мере в теории должен был признавать какие-то верховные прерогативы императора»²⁷, т. е. любое государство, вступившее в контакты с империей, автоматически рассматривалось как ищущее византийское покровительство и стремящееся подпасть под верховный сюзеренитет василевса ромеев. Если же владелец государства получал византийский сан, то уже в силу этого он рассматривался имперской дипломатией как вассал василевса. В X — первой половине XI в. ойкуменическая доктрина, при всей ее статичности, достаточно гибко реагировала на изменение внешнеполитической ситуации на границах империи.

Для данного периода все без исключения владельцы Закавказья, обладавшие византийскими санами, признавали сюзеренитет императора и де юре, и де факто, вплоть до признания ими прав последнего на территории их государств и имперского подданства. Но связано это было с реальным соотношением сил, сложившимся в Закавказье в данный период. Используя и открытую военную силу, и дипломатический нажим, Византия вынуждала местных владельцев завещать или передавать ей власть над территориями их государств, свои суверенные и сюзеренные права на них, вознаграждая данных владельцев византийскими санами и административными постами в имперской администрации.

Завещали свои владения Византии куропалат Давид Багратид, правитель Тао (990), шаханшах Анийского царства Иовханнэс-Смбат (1021), передали свои государства империи и переселились на ее территорию царь Васпуракана Сенекерим Арцруни (1021), шаханшах Ани Гагик II (1045)²⁸, царь Вананда Гагик (1065). Анийские Багратиды получили сан магистра, Сенекерим Арцруни — патрикия, Гагик Карсский, возможно, куропалата. Но со второй половины XI в. положение на восточной границе Византии резко меняется. Под натиском сельджуков империя постепенно утрачивает свои позиции в Закавказье, а затем и на Ближнем Востоке в целом. Гражданская война, последовавшая за поражением византийских войск при Манцикёрте, довершила внешнеполитический разгром империи. Мы полагаем, что в данной ситуации имел место разрыв между юридической и фактической сторонами статуса носителя византийского сана, который более чем когда-либо определялся не воззрениями империи, но реальным международным положением ее, в данный период катастрофическим.

Крах византийской ойкумены в международно-правовой сфе-

ре наиболее ярко проявился в своеобразной девальвации бывшей в употреблении системы византийских санов, в новых условиях уже не отражавших истинного характера отношений между василевсом-ромеем и правителями соседних государств, в большинстве своем признавших сюзеренитет победившего султаната Великих Сельджукидов, ставшего гегемоном в Передней Азии. По-видимому, это было осознано и в Византии, ибо после прихода к власти Алексея Комнина на смену старой системе санов приходит новая, что было отмечено современниками²⁹.

Наиболее ярко девальвация старой системы санов и замена ее новой прослеживается на примере Грузии. Так, если противник Византии Георгий I (1014—1027) не имел византийского сана, то его сын Баграт IV (1027—1072) ок. 1022—1025 гг. — магистр, ок. 1031—1032 — куропалат, до 1052—1054 — новелиссимос, ок. 1060 г. — севаст; Георгий II (1072—1089) ок. 1060 г. — куропалат, до 1081 г. — новелиссимос, ок. 1081 г. — кесарос³⁰. Как видно из этого перечня, меняется характер пожалования византийского сана. Если раньше его получали владетели, чья ориентация и внешняя политика не препятствовали распространению и укреплению имперского влияния в данном регионе, или владетели, капитулировавшие перед Византией, то со второй половины XI в. рост византийских санов царей Грузии, как и владетелей Закавказья в целом³¹, был теснейшим образом связан с ослаблением позиций империи в данном регионе и ее заинтересованностью, по меньшей мере, в лояльности данных владетелей³². Но уже в 1081 г. цари Грузии и Ташир-Дзорагета, кесарос Георгий II и куропалат Кюрике II, едут в Рей на поклон к Великому Сельджукиду Мелик-шаху³³. Признает сюзеренитет султана и владетель Мелитены севаст Гавриил³⁴. Ранее порывают связи с Византией Мерваниды Диарбакра, с 1000 г. рассматривавшиеся империей как ее вассалы³⁵. В 80-е гг. византийские войска выводятся из Малой Азии и Месопотамии. Империя с трудом отбивает натиск норманнов и печенегов на Балканах, заключив унижительный мир с сельджукским Румским султанатом, столицей которого стала Никея.

Известная стабилизация внешнеполитического положения Византии наблюдается лишь к началу XII в., когда, используя первый крестовый поход, империя вновь овладела районом Мараша и равнинной Киликией, ставшими с этого времени объектами борьбы империи, Антиохийского княжества и графства Эдесского. В этот период восстанавливаются армяно-византийские отношения — контакты империи с армянскими княжествами Киликии и Приевфратья.

После 1100 г. получают сан севаста владетель Мелитены Гавриил, Рубениды Киликии Торос I (1100—1129) и Левон I (1129—1137), Васил Гох. Однако если с точки зрения империи все эти владетели были вассалами Алексея I Комнина, ибо об-

ладали византийскими санами — непровержимыми свидетельствами признания ими верховных прерогатив василевса, то их фактические политические статусы были весьма различны. Гавриил, как мы упоминали, до 1092 г. признал сюзеренитет султана Великих Сельджукидов³⁶, т. е. его вассалитет де юре в отношении императора Византии сочетался с фактическим вассалитетом по отношению к султану Сельджукиду. Отсюда вассалитет Гавриила де юре, основанный лишь на наличии у него византийского сана, в данный период не более чем фикция. Но княжество Рубенидов Киликии, по-видимому, признало сюзеренитет империи. Свидетельством этого явились не столько византийские саны его владетелей и упоминание их как вассалов Алексея I Комнина в Девольском договоре³⁷ (это могло отражать лишь византийскую точку зрения), но, главным образом, наличие общей границы княжества Рубенидов с Византией, владевшей в данный период равнинной Киликией, и наличие имперских контингентов в крепостях последней. Именно военная мощь Византии при постоянной угрозе княжеству Рубенидов со стороны как сельджукского Румского султаната, так и Антиохийского княжества вынуждала Тороса I и его преемника временами признавать сюзеренитет Византии. Но и он был отнюдь не постоянен. Так, известно, что в период перехода равнинной Киликии под власть Антиохийского княжества Рубениды Киликии вступали в союзные отношения с владетелями Антиохии, — отношения, имевшие явную антивизантийскую направленность, учитывая борьбу империи и Антиохии за равнинную Киликию³⁸. В то же время отделенные от Византии владениями сельджуков и крестоносцев армянские привфратские княжества Меликета и Эдесса в силу своего географического положения поддерживали с империей лишь спорадические контакты, доказательством наличия которых являются лишь византийские саны местных владетелей. Занятая борьбой с сельджуками и крестоносцами, Византия была не в состоянии оказать сколько-нибудь существенное влияние на судьбы данных княжеств. Ряд местных владетелей не имел имперских санов — князя Пира и Каркара. Последние сравнительно рано признали сюзеренитет графства Эдесского и никаких контактов с Византией не имели. Отсюда сан севаста, которым обладал Васил Гох, в лучшем случае является показателем его контактов с Византией, заинтересованной в поддержке владетеля Кесуна для борьбы с Танкредом Антиохийским.

Фактическая независимость княжества Гоха, проводившего активную внешнюю политику и лавировавшего между Антиохией и Эдессой, очевидна. Контакты с Византией между 1104—1108 гг. — лишь эпизод в истории княжества, не сыгравший заметной роли в его судьбе. И лишь после гибели княжества Гоха под ударами графства Эдесского владетель его Васил Тра нашел прибежище в Византии, чья восточная политика активизи-

руется в царствование Мануила I Комнина, чтобы завершиться катастрофой при Мириокефале в 1176 г. Армянские княжества Приевфратья к этому времени утратили независимость (в 1115—1117 гг.), а княжество, позже царство Рубенидов Киликии, все более в своей внешней политике ориентировалось на запад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве примера можно привести Грузию, Ташир-Дзорагетское царство, эмират Мерванидов Диарбакара (Месопотамия). См. примеч. 33, 35.

² *Комнина Анна*. Алексиада. Вступ. статья, пер. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965, кн. 3, вып. 11, с. 136—137. См. также: *Laurent J. Byzance et les originaux du sultanat de Roum.*—Melanges Ch. Diehl. Paris, 1930, p. 177—182.

³ Так, Р. Груссе полагал, что «Торос легитимировал свою власть, признав себя подданным василевса» (*Crousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem.* Paris, 1930, v. 1, p. 52). С. Рэнсимен пишет: «Торос, кажется, восстановил связи с Константинополем и получил от Алексея I высокий титул куропалата». (*Rencimann S. A. History of crusades.* Cambridge, 1951, v. 1, The first crusade, p. 196). Е. Хонигман считал, что Торос был независим (автономен) и лишь позже был признан Византией в качестве наместника Эдессы и был удостоен сана куропалата. (*Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071.* Bruxelles, 1935, S. 87). Ж. Лоран, детально исследовавший статус Эдессы между 1071—1098 гг., считал, что Торос был независим от Византии. *Des Crecs aux Croisades. Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071—1097.* Byzantion, 1924, v. 1, p. 367—449.

Данную точку зрения разделяли К. Каэн, Ш. Диль, В. Лоран. (*Cahen Ci. La premiere penetration Turque en Asie Mineure.*—Byz., 1948, v. 17—18, p. 39—40, 59; *Diehl Ch. Le monde oriental de 395—1081.* Paris, 1944, p. 87; *Laurent V. La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la domination byzantine (969—1084).*—Melanges de l'Institut Saint Joseph. Beyrouth, 1962, t. 388, 1962, p. 252). В. А. Арутюнова полагает, что Филарет Варажнуни, его наместник в Эдессе—Васил, сын Абукаба, и наместник города от имени сельджукида Сирии Тутуша куропалат Торос были византийскими дуками. (*Арутюнова В. А. Византийские правители Эдессы в XI в.*—ВВ, 1975, т. 35, с. 150 и след.)

⁴ *C. Chronique de Matthieu d'Edesse avec continuation de Gregoire le Pretre jusqu'en 1162 a.* Trad. par E. Dulaurier. Paris, 1858, p. 208, 218. (Далее—Урхайеци). *Chronique de Michel le Surien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199).* Trad. par J.—B. Chabot. Paris, 1905, t. 3, p. 174.

⁵ *Степаненко В. П.* О статусе армянских владетелей Малой Азии, Сирии и Месопотамии (конец XI—начало XII вв.)—Из истории международных отношений. Тр. Тюменского ун-та, вып. 35, 1976, с. 128—148.

⁶ Урхайеци, ССІХ, 280—281; Всеобщая история Варадана Великого. Пер. с примеч. и прил. Н. Эмина. М., 1861, с. 157 (далее—Вардан).

⁷ В результате экспедиции Вутумита. (Комнина Анна, XI, 9, 313). Датировку см.: *Любарский Я. Н.* Замечания к хронологии XI кнги «Алексиады» Анны Комниной.—ВВ, 1963, т. 23, с. 53, примеч. 56, библиография.

⁸ Комнина Анна, XI, 9, 316—319.

⁹ Там же, XIV, 12, 364—372; *Любарский Я. Н., Фрейденберг М.* Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комниным и Боэмундом.—ВВ, 1962, с. 262—263.

¹⁰ Комнина Анна, XIV, 2, 375—376. Урхайеци, CI XXIX, 254.

¹¹ Урхайеци, СХСІХ, 254.

¹² Там же, 266—267.

¹³ *The First and the Second Crusades an Anonimos Syriac Chronicle.* Trad. by A. S. Tritton with notes by H. A. R. Cribb.—JRAS, 1933, v. 1, p. 76.

¹⁴ Alberti Aquensis Historia Hierosolimitana. Recueil des historiens des Croisades. Historiens occidentaux. Paris, 1879, t. 4, p. 111, 17—18, 31.

¹⁵ В 1100 г. сюзеренитет графства Эдесского, возможно, признала Мелитена, в 1101 г. был захвачен Серудж, в 1104 г.— Мараш, принадлежавший Византии. (Урхайеци, 233, 257—258).

¹⁶ Боэмунд попал в плен к владетелю Севастии Данышменду Амир газу Гюмюш тегину при Мелитене в 1100 г. (Урхайеци, СХХVIII, 230—231).

¹⁷ Там же, СХХХVIII, 252.

¹⁸ Византия сама пыталась выкупить Боэмунда из плена. (Успенский Ф. И. История Византийской империи, 1948, М.—Л., т. 3, с. 164—165).

¹⁹ Комнина Анна, XII, 2, 322—323. Хронология войн империи и Антиохии за Киликию известна недостаточно (См.: Там же, XI, 7, 200; 9, 311; II, 316—317).

²⁰ Honigmann E. Missis.— Encyclopedie de l'Isiam, t. 3, p. 594.

²¹ Урхайеци — Григорий Иерей, СХСIX, 266—267.

²² Комнина Анна, XIV, 12, 369.

²³ Урхайеци, ССХХIII, 293.

²⁴ Возможны и более ранние контакты Гоха с империей, если учесть вероятную связь Васила с Филаретом Варажнуни, а также тот факт, что участников первого крестового похода вел через Малую Азию от Никеи брат князя Баграт, находившийся в достаточно сложных отношениях с имперской администрацией. (Albert Aguensis... p. 111. 17).

²⁵ Obolensky D. The principles and methods of byzantine diplomacy.— Congres intern. des etudes byzantines. Ochiride, 1961, Rapports, 11, p. 53.

²⁶ Ibid, 54.

²⁷ Юзбашян К. Н. «Повествование» Аристакеца Ластивертци и закат «эпохи Багратидов». Автореф. докт. дис. Л., 1975, с. 10—11.

²⁸ В 1017—1018 гг. вследствие междоусобной борьбы Анийское царство распалось на два удела. В 1021 г. шаханшах Йовханнэс-Смбат завещал империи анийский удел, но в 1041 г. вопреки этому оба удела были объединены племянником Йовханнэса-Смбата, шаханшахом Гагиком II. В 1044 г. Анийское царство было аннексировано Византией, шаханшах выслан в Малую Азию.

²⁹ Комнина Анна, III, IV, 122—123.

³⁰ Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970, с. 57—62; Капанадзе Д. Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 55—56.

³¹ Возможно, сан куропалата получил царь Вананда Гагик, передавший его в 1065 г. Византии и переселившийся в пожалованные ему владения в Малой Азии. По крайней мере, куропалатиссой была наследовавшая ему дочь Марем. (См.: Измаилова Т. А. О четвероевангелии 1071/1078 гг.— ИФЖ, 1972, № 1, с. 277—278).

³² В пользу этого свидетельствует и тот факт, что рост византийских снов царей Грузии следует за ухудшением внешнеполитического положения Византии и ослаблением ее позиций в Закавказье, с 1047 г. подвергавшегося периодическим сельджуцким набегам. В 1048 г. сельджуки нанесли поражение войскам закавказских фем империи в битве при Капутру, в 1064 г. сельджуки штурмом взяли Ани — столицу Анийского царства, бывшую с 1045 г. центром фемы Иверия и Великая Армения; в 1071 г. византийские войска были разгромлены сельджуками при Манцикерте в Армении около озера Ван; наконец, между 1072—1074 гг. остатки византийских владений в Закавказье были переданы Грузии их последним наместником Григорием Бакуриани, что знаменовало собой окончательную утрату позиций империи в данном регионе.

³³ Хрографическая история, составленная отцом Мхитаром, вардапетом Айрванкским. Пер. с др.-арм. К. Патканова. СПб., 1869, с. 408.

³⁴ Chronique de Michel... , t. 3, p. 179.

³⁵ После того как в 1000 г. Муммахид ад даула Саид получил от Василия II саны магистра и дуки Востока. В 1056 г. эмират Мерванидов признал сюзеренитет султаната Великих Сельджукидов, а в 1062 г. разорвал отношения с Византией. (Урхайеци, 118).

³⁶ Это признавал и К. Каэн, хотя он считал Гавриила вассалом Сельджукидов Рума. (*Cahen Cl. La premiere penetration Turque...*, p. 49.)

³⁷ См.: Комнина Анна, XIV, 12, 369.

³⁸ Известно, что в 1100 г., до византийской экспедиции в равнинную Киликию, Рубениды заключили союз с Антиохийским княжеством, если верить хронологии Анны Комниной (Комнина Анна. с. 313), ибо датировке соглашения этим годом противоречит упоминание здесь имени Танкреда. В любом случае соглашение имело место. Известны и позднейшие факты союзных отношений Антиохии и княжества Рубенидов, например, в 1116 г.